

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 421-429
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.421

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Biography of Sattarkhan Abdulghaffarov in the Context of Imperial Policy in Turkestan

Lazat S. Dinasheva ^a, Zhanibek A. Akimbek ^{b, *}

^a International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan

^b Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article reconstructs the “imperial biography” of Sattarkhan Abdulghaffarov, who served as a qadi, translator, and local expert under the Russian rule in Turkestan. Having received a traditional religious education, he initially followed the path of his ancestors. However, the Russian Empire’s conquest of Central Asia marked a turning point in his life, opening new avenues for social and professional mobility. By mastering the Russian language, Abdulghaffarov chose to cooperate with the new authorities and gradually established himself as an expert on local affairs.

Exposure to the achievements of European science led him to advocate for the modernization of Turkestan. A significant part of his intellectual legacy is a memorandum regarding the reform of the Muslim education system and the regional administration. Abdulghaffarov proposed that educational initiatives should account for the unique cultural and everyday traditions of the indigenous population. Drawing on the Islamic principle of seeking knowledge, he criticized the negative attitudes held by the conservative clergy. Based on an analysis of his proposals, there is every reason to consider Abdulghaffarov one of the representatives of Jadidism in Turkestan.

The research findings demonstrate how, despite limited resources, Abdulghaffarov sought to implement his ideas through interaction with the imperial administration. However, these efforts were difficult to sustain due to the constant turnover of local officials and their shifting perspectives. Nevertheless, certain elements of his ideas were put into practice and utilized to serve the interests of imperial policy. This serves as an example of the adaptive and pragmatic nature of imperial governance in Turkestan.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, power, social groups, clergy, local elite, intermediaries, modernization, education, imperial biography.

1. Введение

Завоевание Центральной Азии Российской империей во второй половине XIX века и создание Туркестанского генерал-губернаторства поставило перед имперской администрацией сложнейшую задачу: управление огромным регионом с глубокими мусульманскими традициями при минимальных затратах ресурсов. В условиях хронического дефицита кадров, знающих местные языки и правовые нормы, ключевой опорой власти стали так называемые «местные посредники». Ими являлись выходцы из коренного населения, выбравшие путь интеграции в имперские административные структуры.

Одной из наиболее знаковых, но недостаточно изученных фигур в этом контексте является Саттархан Абдулгаффаров. Его судьба представляет собой классический пример «имперской биографии» интеллектуала-мусульманина, который оказался на стыке двух цивилизаций. Личность Абдулгаффарова интересна тем, что он не просто выполнял функции переводчика или судьи, а выступал в роли активного эксперта.

* Corresponding author

E-mail addresses: akimbekzhanibek@gmail.com (Z.A. Akimbek)

Именно в этой динамичной среде Абдулгаффаров сформировал свои взгляды на необходимость просвещения и реформирования традиционного уклада. Центральным элементом его интеллектуального наследия стала записка 1883 г., в которой он предложил модернизацию учебного дела через синтез европейского образования и исламских ценностей.

В настоящей статье предпринимается попытка реконструировать жизненный путь Саттархана Абдулгаффарова, проанализировать его предложения по реорганизации системы образования и управления, а также оценить степень влияния его идей на реальную политику имперской администрации. Мы ставим вопрос о том, насколько субъектен был такой посредник: был ли он послушным инструментом империи или же использовал имперскую власть для реализации собственной программы прогресса своего народа.

2. Методы и материалы

Источниками нашего исследования являются архивные документы, извлеченные из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Туркестанского областного государственного архива (Шымкент, Республика Казахстан). В фондах указанных архивов сосредоточены делопроизводственные бумаги чиновников и циркулярные материалы.

Источники личного происхождения (воспоминания, заметки) помогают провести сравнительный анализ с официальными документами и установить реальное положение местных посредников в имперской системе управления Туркестанским краем.

Биография Саттархана Абдулгаффарова представляет яркий пример имперской биографии. Его жизнь вобрала в себя различные контексты, в результате соединения которых возникает возможность восстановления полной картины рассматриваемой эпохи. Опыт, накопленный человеком на определенном этапе жизни, влияет на последующие периоды жизни. Более того, различные идентичности человека обретают внутренний динамизм (Герасимов и др., 2009: 13).

3. Обсуждение

Современных историков начинает интересовать роль и место человека в исторических процессах. Поэтому к первой группе исследований следует отнести работы, посвященные имперским биографиям. Это направление не только изучает биографию человека, но и пытается выявить контексты и дискурсы рассматриваемого вопроса. Одним словом, изучение микроистории позволяет дополнить картину большой истории (Герасимов и др., 2009: 11-16).

В контексте окраин Российской империи эта проблема была поднята американским историком Майклом Ходарковским, который на примере изучения жизни казака чеченского происхождения Семена Атарщикова стремится изучить роль и идентичность местных посредников. Как показывает его исследование, местным посредникам была присуща пограничная ментальность, при которой они пытались примирить внутри себя два мира: «современный и традиционный» (Khodarkovsky, 2011).

Скотт Бейли на примере известного казахского исследователя, ученого Чокана Валиханова демонстрирует всю сложность изучаемой эпохи. Он жил в эпоху политических и культурных изменений в казахской степи. Бейли рассматривает научные изыскания Валиханова как форму сотрудничества с Российской империей. Государство рассчитывало на распространение своего влияния в степных просторах Евразии, а Валиханов стремился построить карьеру ученого (Bailey, 2011: 165-190). По мере сотрудничества с Российской империей местные посредники становились частью дворянской элиты. Главным условием «стать своим» было не этническая принадлежность, а верность монархии. Этому условию Чокан Валиханов соответствовал во всех отношениях (Khalid, 2021: 70-71).

Интересна судьба другого Валиханова. Приходящийся близким родственником Чокану Валиханову Гази-Булат выбрал карьеру военного и был верным подданным династии. Пограничная ментальность, присущая Гази-Булату Валиханову, выразилась в тесных отношениях с мусульманским обществом Санкт-Петербурга и осведомленности о делах в Казахской степи (Удербаетова, 2023: 21-32).

Американский историк Я. Кэмпбелл анализирует эволюцию отношений между Российской империей и казахами в исторической перспективе. Исследователь отмечает, что до реформ второй половины XIX в., проведенных в степных областях, имперская власть полагалась на посредничество местных элит. В свою очередь, казахские посредники, используя свой опыт, пытались опосредованно влиять на местную политику. По мнению Кэмпбелла, казахский просветитель, педагог Ибрай Алтынсарин был одним из последних казахских экспертов, пытавшихся оказать влияние на планы царских чиновников. Предоставленные ему ограниченные ресурсы он пытался использовать для продвижения собственных взглядов в формировании будущего облика степи. На рубеже XIX и XX вв. царские чиновники начали действовать самостоятельно, опираясь на накопленные знания и опыт (Campbell, 2017: 125-156, 63-90).

Анализ низового уровня местного посредничества открывает возможность увидеть его иную грань. Обладая умелым знанием бюрократических механизмов местной царской администрации, местные посредники использовали государственные ресурсы в своих интересах, укрепляли

собственный социальный статус и решали локальные проблемы без уведомления властей (Шаблей, 2012: 175-208; Uderbayeva, Akimbek, 2024: 1839-1846).

Во второй группе работ анализируются посредническая роль традиционных социальных групп Туркестанского края между Российской империей и местным населением. В современных исследованиях подчеркивается, что представители местной элиты обладали субъектностью и были интегрированы в колониальную бюрократию. Занимая официальные должности, казахские посредники имели тесные отношения не только с царскими чиновниками, но и местными влиятельными группами (Hallez, 2022: 21-44; Uderbaeva, 2023: 146-165). По мнению Ч. Стейнведеля, эта политика Российской империи являлась совокупностью определенных стратегий, направленных на контроль новых территорий при минимальных затратах государственных ресурсов (Steinwedel, 2016: 5).

4. Результаты

В апреле 1939 г. академик И. Крачковский получил письмо из Казахстанского филиала АН СССР с просьбой определить дату надгробной плиты, обнаруженной в окрестностях Чимкента (ныне Шымкент) в Южном Казахстане. В результате расшифровки арабского текста, высеченного на плите, выяснилось, что он был установлен на могиле казия Саттархана Абдулгаффарова. На плите содержалась краткая информация о его жизни (Крачковский, Крачковская, 1969: 59-61).

На первый взгляд, перед нами надгробная плита обычного народного судьи Туркестанского края, исправлявшего свои обязанности. Неизвестно, кто был автором текста надгробной плиты. Однако на плите не говорилось ни слова об имперском этапе жизни нашего героя. Возможно, составитель не считал нужным упоминать об этом этапе биографии Абдулгаффарова. Однако при изучении доступных источников о нашем герое его жизнь предстает как типичная имперская биография.

Саттархан Абдулгаффаров¹ родился в 1843 г. в г. Чимкенте, находившемся в то время под властью Кокандского ханства. Он воспитывался в семье знатоков шариата. Выучившись мусульманской грамоте у своего деда, в 14 лет уехал в Ташкент для продолжения обучения в медресе. После 6-летнего обучения вернулся в Чимкент, где был назначен муфтием². На этой должности он пробыл до захвата города русскими войсками под командованием М. Черняева в 1864 г.

Знакомство с царским офицером мусульманского вероисповедания Еникеевым стало поворотным в жизни Абдулгаффарова. После долгих бесед с офицером он пришел к выводу, «что жить в отчужденности от русского народа нельзя» (Остроумов, 1908: 136-139). Научившись русскому языку, Абдулгаффаров стал сближаться с представителями русской администрации. А в 1873 г. он был назначен учителем мусульманской грамоты при русско-туземной школе в Чимкенте. В этой должности «имел влияние на своих знакомых чимкентских жителей, чтобы они отдавали своих сыновей в русскую школу».

Спустя два года работы в школе Абдулгаффаров был переведен на должность казия³ г. Коканда в Ферганской области. В этой должности он вместе с другими влиятельными мусульманами Туркестанского края совершил поездку в Санкт-Петербург, где проходил съезд ориенталистов. Очевидно, эта поездка оставила неизгладимое впечатление в сознании Саттархана Абдулгаффарова. На съезде он «много думал о том, как образованные народы заботятся о науке и общими силами стараются об увеличении знаний и о распространении их между всеми народами» (Остроумов, 1908: 140-146). Поездка подданных империи в столицу являлась обычной практикой. Царская власть тем самым стремилась возбудить в них «энергию и беззаветную готовность» для пользы государства и использовать в своих цивилизаторских целях (Ремнев, Сухих, 2006: 148-149).

Оставив должность казия в 1881 г., Абдулгаффаров приехал в Ташкент, где «старался оправдать внимание ... начальства и быть полезным ему в сношениях с туземным населением». В 1883 г. он был назначен переводчиком Туркестанской туземной газеты, которая финансировалась местной администрацией. В августе 1884 г. стал преподавателем местных языков в Туркестанской учительской семинарии (Остроумов, 1908: 147-149).

В отчете по Туркестанской учительской семинарии за 1884 г. говорится, что изучение местных языков края в стенах семинарии было начато в 1880 г. и вначале дело не принесло никаких результатов, поскольку назначенные преподаватели не соответствовали требованиям учебной программы. Позже был назначен новый преподаватель и «придан в помощь репетитор природный сарт⁴, знающий отчасти и персидский язык». Возможно, последнюю должность и занял Саттархан Абдулгаффаров (РГИА. Ф. 733. Оп. 233. Д. 2901. Л. 14-15).

Возвращаясь к служебной карьере Абдулгаффарова, за свою службу он был награжден почетными халатами и медалями. А в 1887 г. Туркестанский генерал-губернатор Н. Розенбах

¹ Полное имя: 'Абд-Ас-Саттархан сын 'Абд ул-Гаффархана.

² Муфти – лицо, разъясняющее нормы шариата и выносящее решение по религиозно-юридическим вопросам.

³ Кази (кади) – судья, занимающийся разрешением споров на основе норм шариата.

⁴ Оседлое тюркоязычное население Туркестанского края.

ходатайствовал перед Министром народного просвещения о присвоении ему чина коллежского регистратора. Генерал-губернатор характеризовал Абдулгаффарова как «выдающуюся ... личность по своей разносторонней полезной деятельности, отличаясь при этом неизменной преданностью правительству». Данное ходатайство было удовлетворено в феврале 1888 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 100. Л. 1-2, 7, 70б.). С 1889 г. вплоть до своей отставки в 1893 г. работал переводчиком в поземельно-податной комиссии при Сыр-Дарьинском областном правлении. Вышел в отставку в чине губернского секретаря (Савицкий, 1965: 14).

Начало службы в имперской администрации совпало с приходом М. Черняева на должность генерал-губернатора Туркестанского края. На этом посту Черняев приступил к пересмотру начинаний первого генерал-губернатора края К. фон Кауфмана. Эта ревизия затронула и позицию местной администрации по отношению к мусульманам. Предыдущая официальная позиция выражалась в политике «невмешательства в дела ислама», авторство которой принадлежало Кауфману. Суть данной политики заключалась в невмешательстве в духовные дела мусульманского населения. Однако местные чиновники продолжали тщательнее следить за мусульманским духовенством, видя в них угрозу своей власти (Котюкова, 2016: 113).

Критически относившийся к этой политике Черняев стремился к сотрудничеству с представителями мусульманского духовенства. Во время управления краем он образовал комиссию для составления проекта духовного управления мусульман Туркестана, который не был реализован из-за отсутствия аппаратной поддержки (Мухаметшин и др., 2013: 80-81).

В этих условиях в 1883 г. Абдулгаффаров представил записку на имя главного инспектора училищ Туркестанского края А. Забелина о деле просвещения среди мусульманского населения региона. Однако конечным адресатом записки являлся генерал-губернатор М. Черняев.

Основными идеями, поднимаемыми в записке, являются «невежество и фанатизм» местного населения. По мнению Абдулгаффарова, эти факторы «служили до сего времени безусловными препятствиями к сближению ... [с] русскими». Это обстоятельство делало невозможным ни эффективное управление краем, ни улучшение жизни местного населения (Арапов, 2004: 173).

Незнание русского языка туземным населением приводило к его почти полной зависимости от переводчиков, которые зачастую не обладали достаточным знанием ни русского, ни местных языков и нередко сознательно искажали смысл высказываний из корыстных побуждений. В результате возникало систематическое взаимное непонимание между местным населением и административными властями, а неразрешённые жалобы и просьбы способствовали накоплению недовольства и отчуждения по отношению к царским чиновникам. Выступая посредниками между властью и обществом, переводчики передавали решения и разъяснения администрации не в форме совета или объяснения, а «в духе приказа», зачастую придавая им резкий, беспелляционный характер, что усиливало чувство страха и унижения у туземцев и дополнительно подрывало доверие к власти.

Решить этот вопрос можно было через образование и обучение русскому языку. Однако автор записки настаивал, что эта политика может быть успешной только при строгом учёте религиозных и культурных норм мусульманского общества. Резкое насаждение русских школ, игнорирующее веру, обычаи и образ жизни населения, не только бесполезно, но и вредно, поскольку порождает отторжение даже у благонамеренных людей. Именно поэтому Абдулгаффаров резко критикует существующую систему народных школ, где отсутствует преподавание мусульманского вероучения и родной грамоты, занятия проводятся без учёта религиозных праздников, а внешний облик и воспитание учащихся фактически навязывают отказ от своей идентичности. Всё это, по его мнению, создаёт у населения ощущение скрытого намерения обратить мусульман в христианство и разрушить их традиционный уклад.

В противовес этому автор предлагает модель другой образовательной политики. Он настаивает на включении мусульманского вероучения в школьную программу, уважении пятницы как священного дня мусульман, параллельном обучении русской и местной грамоте, отказе от требований менять национальную одежду и крайне осторожном, постепенном «парализовании фанатизма» без открытого давления. Важная мысль Абдулгаффарова состоит в том, что ислам не препятствует цивилизации и прогрессу. Напротив, он утверждает, что ислам способствовал развитию науки и культуры, а религиозное воспитание укрепляет нравственные основы личности и чувство долга перед обществом и государством. Следовательно, противопоставление ислама и образования является ложным и политически вредным (Арапов, 2004: 173-176).

В суждениях С. Абдулгаффарова можно усмотреть идеи, присущие джадидизму, который стал массовым течением в тюрко-мусульманском обществе Российской империи на рубеже XIX и XX вв. Он видел в модернизации европейского типа единственный способ выживания. Для этого мусульманам Туркестана следовало культивировать современные знания и воспитывать собственную элиту. Поддержку своим идеям джадиды находили в исламе, который был полностью совместим с современными знаниями и понятием о прогрессе (Khalid, 2015: 28).

Еще одним препятствием на пути к европейскому образованию Абдулгаффаров видел в мусульманском духовенстве. По его мнению, духовенство «всеми силами старается поддержать ненависть и отвращение среди туземцев ко всему немусульманскому, а в особенности к посещению

детьми русских школ». В своей записке он отмечает, что именно выборный характер казиев и пятидесятников¹ порождает коррупцию и злоупотребления. Выборы, по его словам, сводились к подкупу пятидесятников, после чего должностные лица стремились покрыть понесённые расходы. Отсутствие реального контроля приводило к систематическим несправедливостям в судопроизводстве и полному разложению авторитета шариатского суда. По мнению Абдулгаффарова, духовенство сознательно поддерживало враждебность к русским школам, поскольку европейское образование угрожало их власти и социальному положению.

Автор записки не был одинок в своих рассуждениях. В частности, чиновники Сыр-Дарьинской области также отрицательно относились к выборам казиев, поскольку до завоевания края Российской империей они назначались ханами и беками. Администрация считала, что казиями становились те, кто добились «своей должности посредством интриг и подкупов, или же фанатиков мусульманства» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 60. Л. 23). Начальник Чимкентского уезда Н. Благовидов² в своем рапорте военному губернатору Сыр-Дарьинской области писал, что распространение коррупции среди народных судей стало причиной падения их авторитета среди населения. В результате этого население начало обращаться со своими жалобами в уездную администрацию. Он отмечал, что уездная администрация не имеет никакого права вмешиваться в судебный процесс и нет «физической возможности проверить каждую жалобу по существу дела, если бы даже допустить такое вмешательство» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 71. Л. 14, 15).

Решение этой проблемы автор видел в отказе от выборного начала и переходе к системе назначения духовных и судебных лиц государством при обязательной проверке их знаний шариата. Он подчёркивал, что такая практика существовала до установления царской власти в Туркестане. Вмешательство государства в эту сферу, по мысли автора, не разрушает исламские институты, а, напротив, защищает народ от произвола и злоупотреблений. В итоге эти меры могли способствовать развитию прогресса среди коренных жителей Туркестанского края (Арапов, 2004: 176-180).

Из проекта видно, что Абдулгаффаров идеализировал государственную политику Российской империи. По его мнению, назначение должностных лиц и прямое управление были способны улучшить положение населения региона (Абдуллаев и др., 2012: 88). Однако следует отметить, что поднятые в записке вопросы отражали истинную картину положения дел в Туркестанском крае. Имперские реформы привнесли существенные изменения в политическую жизнь региона, которые стали основой военно-народного управления. Согласно новой системе управления, администрация и судопроизводство исключались из общеимперской юрисдикции и передавались Военному министерству. Все административные должности до волостного уровня занимались армейскими офицерами, которые должны были поддерживать порядок и разрешать конфликты между лидерами местного населения. Таким образом, эта система претендовала на сохранение традиционного уклада и обычаев (Khalid, 2022: 98-102).

Однако на деле эта система нарушила социально-политическую структуру общества. Следствием стало не усиление, а ослабление имперской власти в Туркестане (Akiyama, 2021: 42). Поэтому Абдулгаффаров предлагал кардинальное переустройство управления Туркестанского края. В силу хронического дефицита ресурсов, необходимости изучения местных порядков и адаптации к ним такая ревизия всей системы была очень трудна (Morrison, 2023: 655-676).

М. Черняев согласился с мнением Абдулгаффарова в отношении учебной программы мусульманских школ. Генерал-губернатор Туркестанского края считал, что власть должна способствовать укреплению основ ислама в среде коренного населения, ибо «каждая вера лучше безверия» (Мухаметшин и др., 2013: 80).

Возможно, проект Абдулгаффарова мог стать основой для положения русско-туземной школы, одобренного в 1886 г. В рамках этого положения было разрешено преподавание местных языков и основ мусульманского вероучения. По мнению инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области С. Граменицкого, «это был первый и большой шаг вперед в деле привлечения детей инородцев в русско-мусульманские школы, так как введение этих предметов обучения и поручение их туземным учителям, избираемым из среды местного населения, доставляло учащимся те знания, какие они считали необходимыми и издавна привыкли получать в своих мактабах, и устраняло их естественное недоверие к русской школе» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 6а. Д. 17. Л. 3).

В сентябре 1895 г. был утвержден табель неучебных дней, согласно которому мусульманские праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам) считались выходными днями, а по пятницам мусульманские учителя (муллы) освобождались от занятий. В эти дни русские учителя не менее трёх часов занимались с изъявившими желание учениками русским языком (ЦГА РК. Ф. И-90. Оп. 1. Д. 347. Л. 88).

¹ На эту должность назначалось лицо, выбранное от каждых 50 домов. Коренное население называло их «элликбоши» (пятидесятник). Пятидесятник имел право голоса при выборе аксакала, волостного управителя или казия.

² Николай Ермолаевич Благовидов – начальник Чимкентского уезда с 1883 по 1900 гг.

Служба в местной администрации и стремление приобщиться к достижениям западной науки открыли рычаги трансляции своих идей среди местного населения. Однако успех в начинаниях зависел от личных взглядов царских чиновников к местному населению, которые со временем сменялись другими лицами (Campbell, 2017: 65).

Очевидно, уход М. Черняева с поста генерал-губернатора никак не отразился на службе нашего героя. Более того, в 1884 г. по просьбе российского консула в Кашгаре Н. Петровского Абдулгаффаров перевел на узбекский рукопись Н. Петровского «Необходимые для сведения русских торговцев мусульман статьи Договора с Китаем, заключенного в Петербурге 12 февраля 1881 г.» (Лунин, 1974: 335). Также он помогал военному губернатору Сыр-Дарьинской области Н. Гродекову¹ в сравнении английского перевода с арабским оригиналом труда по мусульманскому праву «Хидая» (Савицкий, 1965: 24).

Помимо деятельности переводчика, он занимался публикацией своих статей на страницах «Туркестанской туземной газеты». В своих публикациях он последовательно выступает как сторонник языкового, интеллектуального и культурного обновления мусульманского общества Туркестана. Прежде всего Абдулгаффаров решительно опровергал распространённое среди консервативного духовенства мнение о том, что изучение языка неверных противоречит исламу. Он доказывает, что язык сам по себе не может быть греховным. Тем самым он демонстрирует, что запреты духовных лиц, выдвигаемые против изучения русского языка, не имеют под собой никаких оснований.

Важнейшая идея Абдулгаффарова заключается в том, что русский язык является главным инструментом приобщения к светским наукам. Он рассматривает русский язык не как самоцель, а как средство доступа к достижениям науки, техники и культуры. Через русский язык, подчёркивает он, мусульмане Туркестана могут познакомиться с теми знаниями, которые определяют развитие современного мира, и использовать их для улучшения собственной жизни (Усмон, 1962: 23–24).

Как отмечает американский исследователь Ян Кэмпбелл, если для имперской власти было важно показать русский язык и достижения российской науки как проводников в светлое будущее, то для местных посредников они являлись инструментом, позволявшим влиться в общее пространство и извлечь материальные выгоды (Campbell, 2017: 106).

С выходом в отставку в 1893 г. Саттархан Абдулгаффаров вернулся в Чимкент. В отчете главного инспектора училищ Туркестанского края Ф. Керенского за 1895 г. он являлся почетным блюстителем Чимкентской русско-туземной школы (РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2907. Л. 46). Помимо этого, он два срока подряд избирался на должность казия города. Согласно официальным результатам выборов народного судьи на 1896–1898 гг., которые стали вторым сроком Саттархана Абдулгаффарова в этой должности, за него проголосовали все 30 выборщиков (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 111. Л. 6). Однако, как отмечает краевед, офицер Н. Лыкошин², «нелегко было добиться избрания», так как избиратели не одобряли «его европейские привычки». Проиграв выборы казия в 1899 г., Абдулгаффаров уехал в Ташкент. Последние годы жизни провел в уединении и скончался в 1901 г. (Лыкошин, 1902: 86).

5. Заключение

В настоящем исследовании рассмотрена жизнь Саттархана Абдулгаффарова, основные этапы которой пришлось на имперское правление России в Туркестанском крае. Родившись в семье духовных лиц и получив традиционное образование, личные отношения с новой властью изменили его мировоззрение. В итоге он стал активным сторонником вестернизации и изменения жизни людей Туркестана. Реализовать свои идеи он намеревался через взаимодействие с имперской администрацией Туркестанского края. Являясь посредником между империей и местным населением, он не только содействовал проведению имперских порядков, но и преследовал собственные интересы.

Составленный им проект о преобразовании учебного дела и местного управления стал практическим воплощением его идей. Однако реализация проекта находилась в прямой зависимости от политической конъюнктуры и личных взглядов царских чиновников. Вполне возможно, некоторые идеи проекта в определенной степени смогли получить практическое воплощение. Но это было возможно в случае реальной выгоды для имперской власти в Туркестанском крае.

Полученные данные демонстрируют разные модели реализации имперской власти в регионе. Царской власти были свойственны адаптивность и прагматизм в зависимости от текущих условий. Это исследование позволяет глубже понять пересечение интересов империи и местных посредников.

¹ Николай Иванович Гродеков (1843–1913) с 1883 по 1892 гг. являлся военным губернатором Сыр-Дарьинской области, а с 1906 по 1908 гг. генерал-губернатор Туркестанского края.

² Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1923) – краевед и офицер. Автор переводов на русский язык восточных рукописей. Один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1895). Наряду с научной деятельностью занимал разные официальные должности в военно-народном управлении Туркестанского края. Был военным губернатором Самаркандской области (1914–1917). Возможно, Лыкошин познакомился с Абдулгаффаровым во время своей службы помощником Чимкентского уездного начальника, куда был назначен в 1897 г.

Изучение сотрудничества Российской империи и местных посредников помогает не только при анализе управления краем, но и в оценке взаимовлияния двух сторон друг на друга.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР26103507 «Урбанистическая культура Туркестанского региона в контексте социально-культурной эволюции и трансформации (XVIII – начало XXI века): от традиционного города к современности» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

Абдуллаев и др., 2012 – Абдуллаев Р., Алимova Д., Багирова И. и др. История общественно-культурного реформаторства в Центральной Азии и на Кавказе (XIX – начало XX века). Самарканд, 2012. 325 с.

Арапов, 2004 – Арапов Д. «Необходимо... заняться образованием края» (Саттар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики в Средней Азии) // *Вестник Евразии*. 2004. №1. С. 169-184.

Герасимов и др., 2009 – Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А. и др. Homo Imperii: Поворот к биографии // *Ab Imperio*. 2009. №1. С. 11-16.

Котюкова, 2016 – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. 391 с.

Крачковский, Крачковская, 1969 – Крачковский И.Ю., Крачковская В.А. Надгробная плита 'Абд Ас-Саттар Хана // *Эпиграфика Востока*. №19. С. 59-63.

Лунин, 1974 – Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Ташкент, 1974. 386 с.

Лыкошин, 1902 – Лыкошин Н. Саттархан Абдулгафаров // *Туркестанские ведомости*. 1902. № 15. 21 февраля.

Мухаметшин и др., 2013 – Мухаметшин Ф.М., Абашинов С.Н., Арапов Д.Ю. и др. Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М., 2013. 480 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ремнев, Сухих, 2006 – Ремнев А., Сухих О. Казахские делегации в сценариях власти: от дипломатической миссии к имперским репрезентациям // *Ab Imperio*. 2006. №1. С. 119-154.

Остроумов, 1908 – Остроумов Н. П. Саргы. Этнографические материалы. Ташкент, 1908. 288 с.

Савицкий, 1965 – Савицкий А. П. Саттархан Абдулгафаров – просветитель-демократ. Ташкент, 1965. 48 с.

ТОГА – Туркестанский областной государственный архив.

Удербаяева, 2023 – Удербаяева С. К. Другой Валиханов // *Oriental Studies*. 2023. №1. С. 21-32.

Усмон, 1962 – Усмон О. Маърифатпарвар олим рус тили хакида // *Ўзбекистонда иштимойи фанлар*. 1962. №5. С. 22-31.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шаблей, 2012 – Шаблей П. Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызылгъари у казахов Сибирского ведомства: исламская биография в имперском контексте // *Ab Imperio*. 2012. №1. С. 175-208.

Akiyama, 2021 – Akiyama T. The Qirghiz Baatir and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia. Leiden, 2021. 144 p.

Bailey, 2009 – Bailey S.C.M. A Biography in Motion: Chokan Valikhanov and His Travels in Central Eurasia // *Ab Imperio*. 2009. №1. Pp. 165-190.

Campbell, 2017 – Campbell I.W. Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London, 2017. 273 p.

Hallez, 2022 – Hallez X. Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonisation tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868–1917) // *Archives de sciences sociales des religions*. 2022. № 199. Pp. 21-44.

Khalid, 2015 – Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. Ithaca, 2015. 415 p.

Khalid, 2021 – Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, Oxford, 2021. 576 p.

Khalid, 2022 – Khalid A. Turkestan's Place in the Russian Empire // *Oriente Moderno*. 2022. №2. Pp. 192-207.

Morrison, 2023 – Morrison A. Military-Popular Administration and its Discontents in Tsarist Central Asia // *Rivista Storica Italiana*. 2023. №2. Pp. 655-676.

Steinwedel, 2016 – Steinwedel C. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington, 2016. 383 p.

Uderbaeva, 2023 – Uderbaeva S. The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration // *Oriente Moderno*. 2023. №2. Pp. 142-165.

Uderbayeva, Akimbek, 2024 – Uderbayeva S.K., Akimbek Z.A. Qadi Bakhaudhin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan // *Bylye Gody*. 2024. 4: 1839-1846.

References

- Abdullaev et al., 2012** – Abdullaev, R., Alimova, D., Bagirova, I. et al. (2012). Istoriya obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva v Tsentral'noy Azii i na Kavkaze. (XIX – nachalo XX veka) [The history of public and cultural reformation in the Caucasus and Central Asia (19th – early 20th century)]. Samarkand. 325 p. [in Russian]
- Akiyama, 2021** – Akiyama, T. (2021). The Qirghiz Baatir and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia. Leiden. 144 p.
- Arapov, 2004** – Arapov, D. (2004). «Neobkhodimo... zanyat'sya obrazovaniyem kraya» (Sattar-khan Abdulgafarov o zadachakh russkoy politiki v Sredney Azii) [“It is necessary ... to attend to the education of the region” (Sattar-khan Abdulgafarov on the Tasks of Russian Policy in Central Asia)]. *Vestnik Evrazii*. 1: 169-184. [in Russian]
- Bailey, 2009** – Bailey, S.C.M. (2009). A Biography in Motion: Chokan Valikhanov and His Travels in Central Eurasia. *Ab Imperio*. 1: 165-190.
- Campbell, 2017** – Campbell, I.W. (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London. 273 p.
- Gerasimov et al., 2009** – Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovskiy, A. et al. (2009). Homo Imperii: Povорот k biografii [Homo Imperii Revisits the “biographic Turn”]. *Ab Imperio*. 1. pp. 11-16. [In Russian]
- Hallez, 2022** – Hallez, X. (2022). Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonisation tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868–1917) [Kazakh political practices and structures under tsarist colonisation: tribal and religious facts in the Semireche Region (Turkestan, 1868–1917)]. *Archives de sciences sociales des religions*. 199: 21-44. [in French]
- Khalid, 2015** – Khalid, A. (2015). Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. Ithaca. 415 p.
- Khalid, 2021** – Khalid, A. (2021). Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, Oxford. 576 p.
- Khalid, 2022** – Khalid, A. (2022). Turkestan's Place in the Russian Empire. *Oriente Moderno*. 2: 192-207.
- Khodarkovsky, 2011** – Khodarkovsky, M. (2011). Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. Ithaca, London. 200 p.
- Kotyukova, 2016** – Kotyukova, T.V. (2016). Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy [Outskirts in a special position ... Turkestan on the eve of the drama]. M. 391 p. [in Russian]
- Krachkovskiy, Krachkovskaya, 1969** – Krachkovskiy, I.Yu., Krachkovskaya, V.A. (1969). Nadgrobnaya plita 'Abd As-Sattar Khana [Tombstone of 'Abd As-Sattar Khan]. *Epigrafika Vostoka*. 19: 59-63. [in Russian]
- Lunin, 1974** – Lunin, B.V. (1974). Istoriografiya obshchestvennykh nauk v Uzbekistane [Historiography of social sciences in Uzbekistan]. Tashkent. 386 p. [in Russian]
- Lykoshin, 1902** – Lykoshin, N. (1902). Sattarkhan Abdulgafarov [Sattarkhan Abdulgafarov]. *Turkestanskije vedomosti*. 15, February 21. Pp. 86-87. [in Russian]
- Morrison, 2023** – Morrison, A. (2023). Military-Popular Administration and its Discontents in Tsarist Central Asia. *Rivista Storica Italiana*. 2: 655-676.
- Mukhametshin et al., 2013** – Mukhametshin, F.M., Abashin, S.N., Arapov, D.Yu. et al. (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: Politika i islam v kontse XVIII – nachale XXI veka [Russia and Central Asia: Politics and islam from the late XVIII to the early XXI Centuries]. M. 480 p. [in Russian]
- Ostroumov, 1908** – Ostroumov, N.P. (1908). Sarty. Etnograficheskiye materialy [Sarts. Ethnographic materials]. Tashkent. 288 p. [in Russian]
- Remnev, Sukhikh, 2006** – Remnev, A., Sukhikh, O. (2006). Kazakhskiy deputatsii v stsensariyakh vlasti: ot diplomatocheskoy missiy k imperskim reprezentatsiyam [Kazakh Deputations in the Scenarios of Power: From Diplomatic Missions toward Imperial Presentations]. *Ab Imperio*. 1: 119-154. [in Russian]
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Savitskiy, 1965** – Savitskiy, A.P. (1965). Sattarkhan Abdulgafarov – prosvetitel'-demokrat [Sattarkhan Abdulgafarov – educator-democrat]. Tashkent. 48 p. [in Russian]
- Shablei, 2012** – Shablei, P. (2012). Akhun Siradzh ad-Din ibn Sayfulla al-Kyzyl'yari u kazakhov Sibirskogo vedomstva: islamskaya biografiya v imperskom kontekste [The Akhun Siraj ad-Din ibn Saifulla al-Kyzyl'iari Among the Kazakhs of the Siberian Administration: An Islamic Biography in the Imperial Context]. *Ab Imperio*. 1: 175-208. [in Russian]
- Steinwedel, 2016** – Steinwedel, C. (2016). Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington. 383 p.
- TOGA** – Turkestanskiy oblastnoy gosudarstvenniy arkhiv [Turkestan Regional State Archive].
- TsGA RK** – Tsentral'niy gosudarstvenniy arkhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- Uderbaeva, 2023** – Uderbaeva, S. (2023). The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration. *Oriente Moderno*. 2: 142-165.
- Uderbayeva, 2023** – Uderbayeva, S.K. (2023). Drugoy Valikhanov [Another Valikhanov]. *Oriental Studies*. 16(1): 21-32. [in Russian]

Uderbayeva, Akimbek, 2024 – Uderbayeva, S.K., Akimbek, Z.A. (2024). Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan. *Bylye Gody*. 19(4): 1839-1846.

Usmon, 1962 – Usmon, O. (1962). Ma'rifatparvar olim rus tili haqida [An Enlightened Scholar about the Russian Language]. *Uzbekistonda ijtimoiy fanlar*. 5: 22-31. [in Uzbek]

Биография Саттархана Абдулгаффарова в контексте имперской политики в Туркестанском крае

Ляззат Сарсембековна Динашева ^a, Жанибек Алтынбекович Акимбек ^{b, *}

^a Международнй университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан

^b Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье реконструируется «имперская биография» казия, переводчика и местного эксперта при имперской власти в Туркестанском крае Саттархана Абдулгаффарова. Получив традиционное религиозное образование, он продолжил дело предков. Завоевание Центральной Азии Российской империей ознаменовало переломный момент в жизни нашего героя и открыло новые возможности социальной и профессиональной мобильности. Освоив русский язык, Абдулгаффаров выбрал путь сотрудничества с новой властью и постепенно утвердился в статусе эксперта по местным вопросам.

Знакомство с достижениями европейской науки сделало его сторонником проведения модернизации в Туркестанском крае. Особое место в его интеллектуальном наследии занимает записка о преобразовании системы мусульманского образования и управления регионом. Абдулгаффаров предлагал учитывать местные особенности культуры и быта коренного населения в учебном деле. Отталкиваясь от идеи поощрения исламом обретения знания, он подвергал критике негативное отношение консервативного духовенства к западной модели образования. В результате анализа его проекта есть все основания рассматривать Абдулгаффарова как одного из ранних представителей джадизма в Туркестане.

Результаты исследования показывают, как, обладая ограниченными ресурсами, Саттархан Абдулгаффаров стремился реализовать свои идеи через взаимодействие с имперской администрацией в Туркестанском крае. Однако эти усилия были труднодостижимы в условиях постоянной смены местной администрации и изменчивости взглядов чиновников. Однако отдельные элементы его идей получили практическую реализацию и были использованы в интересах имперской политики. Это является примером адаптивного и прагматичного характера царского управления Туркестанским краем.

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, власть, социальные группы, духовенство, местная элита, посредники, модернизация, образование, имперская биография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akimbekzhanibek@gmail.com (Ж.А. Акимбек)